Максим Д. Шраер

Стихи из айпада

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
БАБЕЛЬ

Тель-Авив
2022

Максим Д. Шраер

Стихи из айпада

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
БАБЕЛЬ

Тель-Авив
2022

Максим Д. Шраер.
Стихи из айпада. — Тель-Авив. Издательство книжного магазина «Бабель», 2022. — 84 с.

Maxim D. Shrayer
Stikhi iz aipada (Poems from the iPad; in Russian)
Tel-Aviv: Babel Bookstore and Publishing, 2022

ISBN 978-965-92929-6-7

Ранние варианты стихотворений, вошедших в эту книгу, были опубликованы в журналах «Артикль», «Дегуста», «Двоеточие», «Дружба народов», «Крещатик», «Literratura» и «Prosodia», альманахе «70» и на сайтах международных поэтических проектов «CORONAVERSE» и «NO WAR — ПОЭТЫ ПРОТИВ ВОЙНЫ». Автор сердечно благодарит редакторов и кураторов этих изданий.

Борис Ланин, Максим Муссель и Екатерина Царапкина прочитали рукопись этой книги и внесли ценные замечания.

Автор выражает благодарность Бостонскому Колледжу за грантовую поддержку.

Для оформление обложки использована фотография Максима Д. Шраера.

© Максим Д. Шраер, 2022
© Максим Д. Шраер, фотография на обложке, 2022
© Изд-во книжного магазина «Бабель», подготовка к печати, 2022

моим родителям

Предисловие автора

Эти стихотворения стали для меня одновременно преодолением молчания и попыткой побега — сначала из пандемического существования, а потом от отчаяния, в которое меня ввергло вторжение России в Украину в феврале 2022 года.

Я родился в 1967 году в Москве и вырос в семье писателя Давида Шраера-Петрова и филолога и переводчицы Эмилии Шраер (Поляк). По отцовской линии я литератор в третьем поколении.

В детстве я видел многих поэтов, очень хороших и не очень, но по-своему самобытных. Они были для меня — ребенка, подростка — не мифологическими фигурами, а живыми людьми. Когда мы стали отказниками, и отца исключили из Союза писателей СССР и внесли в черные списки, бóльшая часть литературной братии боялась общаться с нашей семьей. (Об этом см. в моем документальном романе «Бегство».) Долгие годы

отец оставался моим «играющим тренером» на литературном поле.

Когда мне было восемь лет, мой отец научил меня стихосложению. В то время отец увлекался рифмами, которые он называл «качающимися». Я сочинил некоторое количество стихотворений и поэму (из рыцарских времен) «Королевская охота», а потом лет десять совершенно не занимался литературным творчеством. Вернулся к стихам я лишь осенью 1985 года, уже студентом-естественником. На меня сильно повлиял Генрих Сапгир, друг отца. Сапгир был реализацией самой возможности свободы в условиях тоталитарного строя.

Когда наконец мы эмигрировали 7 июня 1987-го, мне было двадцать лет. Мои первые публикации случились тем же летом 1987-го, уже после отъезда, — одна в «Московском комсомольце», другая в нью-йоркском «Новом журнале». Я увез с собой из Москвы значительную часть стихов, которые потом вошли в мою первую книгу «Табун над лугом» (1990). За ней последовали «Американский романс» (1994) и «Ньюхейвенские сонеты» (1999).

В Америке я продолжал писать и печатать стихи и рассказы на русском языке. Сочинять прозу на английском я начал весной 1988 года в Брауновском университете, когда поступил на семинар по мастерству прозы к Джону Хоуксу (John Hawkes). На рубеже 1995—1996 годов переключился на англоязычную прозу. (Я здесь не касаюсь литературоведческих исследований.) При этом переводил русских поэтов и про-

заиков на английский язык. К 2000 году я почти перестал писать стихи на русском — за исключением окказиональных текстов или шуточных посланий. После публикации в России авторизованного перевода документального романа «В ожидании Америки» (2013) у меня словно открылось второе дыхание — стал опять сочинять и публиковать русскоязычную прозу. Такова предыстория. А теперь — сама история сочинения этих новых стихов.

Стихи на английском языке я пробовал писать, еще учась в Брауне, потом время от времени (когда приглашали журналы) переводил свои русские стихи на английский, но по-настоящему обрел какую-то новую англоязычную поэтическую свободу только в 2019—2020 годы. Изначальным импульсом было чувство политической безысходности, которое я ощутил с особой остротой после неудавшегося ипмичмента Трампа. Начало президентской предвыборной кампании сложилось неудачно для демократических кандидатов, к тому же резко выросло лево-радикальное крыло внутри демократической партии, что тоже удручало. Поначалу я сочинял политические сатиры. В марте 2020-го, когда живая жизнь вдруг отступила и замерла, тематический репертуар стихов изменился. Я на время забыл о политике; в стихах мне хотелось говорить только о пандемии (и отчасти о советском прошлом). Сами англоязычные стихи стали более лиричными и исповедальными. К лету у меня сложилась книга англоязычных стихов Of Politics and Pandemics: Songs of a Russian Immigrant, которая вышла в Бостоне в ноябре 2020-го.

Тут важно добавить, что весной 2020 года — кстати, в самый разгар первого витка ковидной пандемии — мы с женой и дочками переехали, а по сути сбежали из Бостона на Кейп-Код (легендарный «Тресковый Мыс») и поселились на даче, где когда-то на чердаке жил Набоков. Находясь с семьей в карантине, почти в полной изоляции на Кейп-Коде, я продолжал сочинять стихи на английском, но вдруг удивил себя самого тем, что снова начал писать русские стихи — после долгого молчания.

Меня увлекло то, что я стал называть «параллельным письмом». Это не самоперевод, а сочинение параллельных прозаических или поэтических текстов на русском/английском||английском/русском. За последние три года — со времени начала пандемии — это стало превращаться в метод сотворения текстов. «Параллельность письма» понимается то в духе Эвклидовой геометрии, а то в духе геометрии Лобачевского.

В некоторых из этих обретенных русскоязычных стихов использованы записи последних двадцати лет — слова, отдельные строки или просто стихийное желание вернуться (эпиграфом) к любимым текстам, добавить реплику к неоконченному разговору, вспомнить забытую рифму или помянуть ушедшего поэта. Стараясь физически отделить лабораторию англоязычных стихотворений от мастерской русскоязычных текстов, я решил записывать свои новые русские стихи в айпад или айфон, воображая их некоторой планшеткой, а самого сочинителя — фронтовым корреспондентом.

Развязанная Россией война в Украине не только провела — во второй раз после эмиграции/иммиграции — разделительную черту между моим настоящим и моим прошлым. Сочиняя последние с хронологической точки зрения стихи, вошедшие в книгу, я представлял эту войну не только как попытку путинского режима убить Украину, но и неоколониальной войной за возвращение советского прошлого — от которого мы с родителями бежали тридцать шесть лет назад.

Теперь я могу с уверенностью сказать, что главная тема «Стихов из айпада» — невозможность разрыва с самим языком русской поэзии в условиях разрыва со страной русского языка.

М.Д.Ш.
июль 2022
Саут-Четтэм, штат Массачусетс

Стихи из айпада

иссяк рог
изобилия булок и женщин
Генрих Сапгир

Дарю тебе стихи из айпада
ты все равно меня не поймешь,
раньше дарили фотки из ФЭДа, —
помнишь, застали такую вещь?
Черно-белый куст бересклета
и другая альбомная ветошь…

Помнишь, в нашем московском детстве
каждый кадр, каждый жест был дорог?
Мы хранили никчемную грусть
а теперь она живет в темноте.
Вот и все: цифровой изобилия рог
переполнен и перепуст.

Воспитание чувств

Максиму Мусселю

Немолодые советские женщины
в застиранных до блеска бордовых водолазках,
Вера Иосифовна Жемчуг,
Любовь Леонидовна Ласкер.

Явные ненавистницы Сталина,
тайные обожательницы Пастернака,
хранительницы семейного стиля,
гвоздики и чеснока, сельдерея и пастернака.

«Дорогие дети, любите классику», —
говорили они с дрожью в голосе или со всхлипом,
а наши хозяева сбивали южнокорейские лайнеры
в Японском море над островом Сахалином.

«Наша англичанка, она не дура», —
говорил один одноклассник. —
«Евреи вообще умные люди». Я смотрел в окно.
«Литература сука, ей бы пизду расковырять гвоздем», —
говорил другой одноклассник. Я разбивал окно.

«Весь мир — театр, а мы — актеры», —
повторяла Вера Вильямовна Ласкер.
«Дети, выдавливайте раба капля за каплей», —
повторяла Любовь Антоновна Жемчуг.

А за окном умирал добродушный ходок Брежнев,
потом умирал кровожадный добряк Андропов,
потом умирал стыдливый парторг Черненко,
потом Горбачев сражался за место под солнцем мертвых.

Мы читали «Даму с собачкой», мы разучивали Шекспира,
мы учились любить и предавать друг друга.
Чтобы прийти в себя после такого пира
целой жизни не хватит.

Двойчатка сонета

Памяти Игоря Чиннова

1.

Мы гуляли с тобою по пляжу,
и прибой, что портовый чиновник,
опозданий извечный виновник,
теребил травяную пропажу.

Ты сказала: эффект пандемии
заключается в том, что мы сами
избегаем общения с нами,
не желаем людской пантомимы.

Я ответил: к нам жизнь постучалась,
мы ее на порог не пустили,
мы на горло себе наступили —
жизнь молила, пока не отчаялась…

Мы умеем стоять и смотреть
как над жизнью бесчинствует смерть.

2.

Мы с тобой гарцевали по пляжу,
а прибой, что портовый чиновник,
битых склянок привычный виновник,
гнал вослед пироги и поклажу.

Ты молчала, и, вторя молчанью,
я завел разговор о потопе,
о ковчеге, о нашем побеге:
предаваться не будем отчаянью,

мы спасемся из этого ада,
уплывем и начнем все сначала…
Только ты беспробудно молчала,
в небе чайкой кружила менада.

Губы сжав, я прочел по слогам:
пти-чий-гам-пти-чий-гам-пти-чий-гам.

Снимфа и снейфа

…и другое, другое, другое…
Владимир Набоков

Где кувшинки горят на поверхности дней,
Где поет предрассветная флейта,
Там торгуют позором и счастьем людским,
Там прощаются с ней обручаются с ним
Беспощадные снимфа и снейфа.

Если с ней изменить, то изменишь судьбе,
Не приедешь домой с маскарада,
Где одет нагишом и наряжен дотла,
Там отверсты врата городского дупла,
Повседневного тихого ада.

Если с ним обмануть, нет возврата к себе,
Засосет торфяное болото,
Где трясина ласкает там ряска легка,
Там любовные игры одеты в шелка
И обуты в червонное злато.

Что же будет, однажды в пророческом сне
Ты увидишь подобие снимка,
Где просвечена черным по серому та, —
Ужаснувшись, ты вдруг осознаешь, — мечта,
Где безумствуют снейфа и снимфа.

Двусторонняя пневмония

Его положили у входа.
Всё в корпусе было полно.

Борис Пастернак

Отец с воспалением легких
в палате двухместной лежал,
рукой оградившись от нескольких
лекарственных жал.

Сосед по палате, правитель
трамвая, «Монтгоммери, Джим»,
классический бостонский житель,
на койке лежал, недвижим.

К нему приходили то внуки,
то сын, то племянник, то брат,
и кланялись в ноги,
и силились смерть отобрать.

Отец засыпал, упираясь
глазами в оконный проем,
там были окрестности рая,
с ним гуляли вдвоем.

Дымился ландшафт заоконный,
футбольного поля клочок,
труба, приходской и церковный
дымок-дурачок.

Как мог, по слогам, я молился,
Так просят, чтоб сын или дочь,
и чтобы на землю пролился
целительный дождь.

Родство

«Украи́на моя родная», — так говорил мой дед Арон (Аркадий).
Он вырос в Каменец-Подольске и лишь в конце 20-х
Переехал в Москву, стал мостовщиком, потом связистом.
А мой дед Пейсах (Петр) тоже родился в Каменце
И до поступления в гимназию говорил по-украински
не так хорошо,
Как на идише, но все-таки гораздо лучше, чем по-русски.
Всю жизнь прожив в Ленинграде, дед Петр не смог позабыть
Высокий берег реки Смотрич, турецкий мост,
Мельницы на земле, арендованной у польского графа…

Нюся Мошковна Студниц, моя бабушка по материнской линии,
Родилась в городке Бар, который теперь отнесен
К Винницкой области. Закончила инженерно-экономический
Институт в Харькове. Оказавшись в Москве в конце 30-х,
Бабушка превратилась в настоящую жительницу столицы
И даже по-русски говорила практически без акцента
И с характерной певучестью старомосковской речи.
И все равно Украина оставалась для нее, еврейки, москвички,
Местом юности и сиротства, обителью первой любви.

Моя мама родилась в Москве, отец — в Ленинграде.
В детстве родители бывали у родных, которые выжили
и вернулись «на Украину». Гостили в Каменце,
под Винницей,
В Киеве и Одессе. За двадцать лет, которые я провел
В бывшей империи, мне довелось побывать в Украине
Только один раз, летом 86-го, на Луганщине. Уже потом,
Американцем, иммигрантом, я в первый раз приехал в Киев —
Сначала один, потом вместе со старшей дочкой Мирой,
Ей было семь лет. До аннексии Крыма оставалось полгода.

Когда я бывал в Украине в постсоветское время, меня
Охватывали смешанные чувства. Это земля
моих дедов и бабок,
Земля, в которой укоренилось наше семейное древо.
В этом мой опыт типичен для бывших советских евреев.
Мог ли я думать о Украине как только о той стране,
Где мои предки появились на свет, ходили в синагогу,
Работали на земле? Нет, я не мог не думать о Украине
Как месте на карте Европы, где во рвах и ярах
Лежат наши родные кости — кости убиенных евреев.

Зачем я пишу об этом? Затем, что 24 февраля,
Противоречия отошли на второй план. Теперь Украина
Стала родной. В нее вонзились российские батальоны.
Теперь Украина — жертва имперской агрессии. Жертва
Неоколониальной войны. Страна, с которой
Я чувствую родство и солидарность. Мне
Мучительно больно, что войска России, страны
Моего первого языка, топчут землю Украины,
Несут смерть и насилие. Мучительно больно. И стыдно.

Думая о войне в Украине, я не могу не обращаться
В мыслях к тем, кто носит российскую военную форму,
Особенно к генералам и адмиралам российским.
Хоть бы один из вас отказался выполнить высшую волю убийц.
Хоть бы один уподобился генералу-лейтенанту Шапошникову,
Русскому герою, который тогда в 62-м отказался отдать
Приказ. Не стал стрелять в Новочеркасских рабочих.
О российские командиры, не разрушайте хоть то немногое,
Что еще осталось от нашей памяти и нашей любви.

Будь проклят тот, кто отправил российских солдат
Убивать Украину, умирать на земле моих предков.

Содержание

Предисловие автора 7

Январь ’16-го, Эрец 13

Приоткрытый чемодан 19

Проводы жаркого лета 21

Советская поэзия 22

На перезахоронение моего деда 24

Стихи из айпада 26

Пярну. Лет спустя… 27

Вальс-буран 29

Стихи об убитой рыбине 30

Воспитание чувств 31

Двойчатка сонета 33

Вдохновение 2.1 34

Сон в летнюю ночь 36

Старик на Кейп-Коде 38

Осенний лиман 40

Русский иммигрант подмечает национальный тренд . . . 42
Русский иммигрант сражается
с коронавирусной бессонницей 44
Вальс-Бостон. 45
Лингвист 46
Снимфа и снейфа. 47
Устал 49
Двусторонняя пневмония. 50
Агония города. 52
Вилланель по мотивам Хармса и Сапгира. 53
Иов Ковидного времени 54
Иосиф Трумпельдор 55
Родство 59
Февраль на Тресковом Мысу 62
Минская элегия 63
Параллельное письмо 65
Безумие 67
В детской больнице Сафра в Рамат-Гане. 68
Возвращение. 70

О книге Максима Д. Шраера «Стихи из айпада». 79

О книге Максима Д. Шраера «Стихи из айпада»

Когда после двадцатилетнего перерыва автор возвращается к стихам на родном языке, то он не может взяться за них в прежнем качестве: теперь-то он — и ещё как! — обогащён немалым жизненным опытом и наработанным на английском языке литературным мастерством внимательного наблюдателя и рассказчика (сближение прозы и стиха — вообще одно из главных направлений развития русской поэзии сейчас). Да и очень трудно удержаться от переноса элементов англоязычной просодии — ритмической организации стиха, способов рифмовки — в то, что пишется на родном языке, и этот перенос у Максима Д. Шраера только освежает прежние правила, по которым строилась русская стихотворная речь.

В «Стихах из айпада» читателя должна сильнее всего привлечь тонкая, действующая посредством точной детали и по-хорошему целомудренная — в смысле прямоты и добродетельности, отнюдь не стыдливости — лирика, за которой встаёт очень симпатичная фигура лирического героя, что само по себе удивительное достижение. Ведь о большин-

стве лирических «я» мы даже не можем сказать, симпатизируем мы им или нет (и часто просто с изумлением наблюдаем их противостояние миру). Немалое место в новом сборнике Максима Д. Шраера занимают и политические стихи, движимые, если воспользоваться словами Набокова, «твёрдыми», а местами и жёсткими, «суждениями» автора в духе основного направления современного либерализма, отсекающего то, что слева и справа; и тут их окончательную ценность покажет уже история.

Игорь Вишневецкий

В новом сборнике Максима Д. Шраера много замечательного и родного. Замечательные стихи об отце («Двустороння пневмония»), с едва заметными перебоями ритма, соответствующими ситуации, «труба, приходской и церковный/ дымок-дурачок». «Агония города» — кратко, и зримо, и сильно, и это словосочетание: «ускоряют фальшь». «Иосиф Трумпельдор» — удивительному герою, рычащему льву стихотворения, соответствует воинственная и немного пародийная маршевая форма. Красиво, грустно, и смешно, и снова грустно. «Родство» читается на одном дыхании, хотя всё-таки это проза, записанная в столбик — но раз читается на одном дыхании, какие могут быть вопросы? Не имеет значения, КАК записано. То же относится и к «Минской элегии» — мощное изложение, трагедия. Ну и завершающий аккорд Композитора, где соединилась поэзия ностальгическая и гневная с набоковедением автора, — стихотворение исключительное.

Владимир Гандельсман

Перед читателем светящийся живой мир. В нем память и ностальгия о прошлом сочетаются с болью о настоящем. Еврейские корни и советская юность, новая жизнь иммигранта в Америке и литературный круг чтения, чумное время и, наконец, война. Для всего этого русский язык необходим. Его звучание, порой жизнерадостное, порой диссонирующее, наполняет своей неминуемостью повествования и размышления поэта. «Блошиный рынок русского стиха» в арсенале размеров (даже «пастернаковский» анапест с пропуском ударения) предоставляет читателю то рассказы о еврейских репатриантах, то эмоции и видения пандемического времени, то размышления о русской поэзии, а то даже целую поэму, в которой Набоков проносится по местам былых кочевий. Стих Максима Д. Шраера неожидан и конкретен, богат лексикой и интонациями, — как предполагает напряженный порыв записывания текстов в айпаде. В конечном счете «цифровой изобилия рог/ переполнен и перепуст», и читателю близки ирония, изумление, иллюзии и надежды стихов, которые автор из этого рога черпает.

Степан Фрязин (Стефано Гардзонио)

Двадцать с лишним лет я слежу за развитием Максима Шраера-поэта. От полистилистики прежних книг к изощренному стилизму «Стихов из айпада». Каков он, этот стиль? Умный, чуть ироничный в духе раннего Заболоцкого, с легким американским акцентом в области рифм: то анаграммных (типа «снедь-осень»), то глазных (вроде «горлица-колесница» и «миски-мистики»), где рифмуется не звучание слов, а их окончания. Это в русской поэзии ново. Ново и то, что

Шраер не пугается быть иностранцем — эмигрантом или иммигрантом. С одной стороны, это его поэтический имидж, с другой — вполне искренний жизненный расклад. Да и корней у Шраера, москвича по рождению, несколько: это и Израиль, и США, и воюющая Украина. В книге найдутся стихи, посвящённые каждой из этих «малых родин». Однако одно из самых сильных стихотворений в ней — это как раз верлибры об украинской родне, сжатые, как пружина перед выстрелом. Читатель, конечно, обратит внимание и на блестящее стихотворение о «композиторе», в котором угадывается фигура Владимира Набокова. Максим Д. Шраер — автор научных книг о Набокове, но удивительно то, что в вышеназванном стихотворении нет даже тени научности: оно спето чистым голосом. Как, впрочем, и вся книга. Читайте её — она замечательная!

Илья Кутик

По каким-то невидимым капиллярным сосудам, доступным только ему, Максим Д. Шраер, как это свойственно наиболее одаренным поэтам, умеет обнаруживать тончайшие связи между вроде бы далекими друг от друга явлениями и понятиями. Узлы связи, при необходимом усилии, раскрывают истинную глубину стихотворения. Глубина эта скрывается где-то там — за, под и над словами.

На мой взгляд и вкус, лучшее стихотворение в цикле — «Сон в летнюю ночь». Второе по значимости для меня стихотворение — «Старик на Кейп-Коде». Тронуло до слез. По силе воздействия эти стихи равны рассказу Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной».

В «Двойчатке сонета» обращает на себя внимание характер связи (двойчатка) главного в первом сонете («… мы сами / избегаем общения с нами») с главным во втором сонете: в ответ на успокоительное «мы спасемся» она «беспробудно молчала». Смысл ее молчания раскрывается в словах: «в небе чайкой кружила менада» (пир во время чумы, т. е. пандемии). Ну а «пти-чий-гам-пти-чий-гам-пти-чий-гам…» — чрезвычайно емкий образ: он и вывод, он и развивает идею пира во время пандемии, он и таит в себе как будто постороннюю мысль о том, что животные и птицы первыми предчувствуют беду, что человек беспросветно глуп и слеп: истребляя животных, человечество истребляет себя. Философия «Двойчатки сонета» высказана не столько прямой речью, сколько в подтексте.

Заключительную строфу стихотворения «Везение экзилиста» я предложил бы студентам-филологам для детального разбора. В ней много соблазнительных ухищрений, делающих стихотворение настоящим изобретением.

Спасибо Максиму за эту бесхитростную и страшно весомую простоту слов, которыми он сумел по-своему и столь убедительно сказать о самом главном — о любви, о счастье, о смысле жизни.

Олег Смола

Максим Д. Шраер
Стихи из айпада

Издательство книжного магазина «Бабель» (Тель-Авив)

Заказ книг: https://www.facebook.com/BabelTLV/

Подписано к печати: 07.10.2022

Тираж 230 экз., из которых 30 — пронумерованных.
Издательство передает Бостонскому колледжу
для бесплатной рассылки
в библиотеки США и Канады 40 экз.